

«ЭТО ПРОКЛЯТОЕ ХАМСТВО...»

Продолжаем

разговор

о культуре

поведения.

Слово —

Аркадию Райкину

ВЫ ЛЮБИТЕ Райкина?

Пожалуй, это один из тех редких вопросов, на который у большинства людей автоматически вырывается одинаковый ответ: «Да, конечно».

Райкина, артиста, любят, и Райкину, человеку, верят. Пройдя испытание всемирной славой, он остался таким же, как в день своего первого выступления, — чуть застенчивый, очень деликатный человек... Это — лицо Райкина. А на сцене у артиста — тысяча масок. И каждая из них — как звонкая почечина пороку, подхалимству, несправедливости. В общем, райкинская сатира всегда гражданственна.

Вот поэтому, когда началась наша дискуссия о культуре поведения в обществе, мы решили, что хорошо бы предоставить в ней слово Аркадию Райкину — артисту, который так блестяще обличает со сцены это проклятое хамство» (из письма читательницы Т. Черновой).

Мы позвонили Аркадию Исааковичу в Ленинград. Узнав тему дискуссии, он согласился сразу — приезжайте. И вот наш корреспондент ЛИДИЯ ГРАФОВА едет в Ленинград и берет с собой кипу писем-откликов (редакция получила их больше тысячи). Интервью с Райкиным будет проходить необычно — вопросы станут задавать сами читатели...

Итак, вопрос первый (с него-то в свое время и начиналась дискуссия) — о необходимости манер вообще. В. КВАШНИН из Подмосквы писал, что многие молодые люди считают хорошие манеры пережитком прошлого, который возне ни к чему «простому советскому человеку».

Аркадий Исаакович сокрушенно разводит руками:

— Понимаете, показать, изобразить хама мне легче, чем говорить о происхождении хамства. Ну вот, к примеру...

Райкин встает и начинает ходить по комнате. И чуть ли не с каждым шагом его лицо, глаза, походка меняются. Вот сумрачный самодовольный грубиян, вот услужливый, заискивающий «маленький» человек, вот томный...

— Нет, нет, это все один и тот же — Хам. Только с подчиненными он себя ведет так, с начальством — иначе. Дома он — третий, в гостях — четвертый, и... Это неправда, что хамство стихийно, что «такой уж человек». На самом деле хам — хитрый, он знает, где можно, а где опасно проявлять наглость. В общем, хам наизнанку — это и есть подхалим...

Часто рассуждают: «Да, он сегодня нагнул мне, но душа-то у него хорошая и, может быть, завтра он совершит подвиг...» Да, может быть, совершит. А может, и нет? Может, случая не представится? Никогда!

Я лично не очень верю в эдакое «разделение личности». Могут быть, конечно, исключения. Но чаще эти разговоры про какую-то невидимую миру глубину, которая уживается с внешним хамством, — просто оправдание хамства. Люди в обществе, особенно в современном, очень зависят друг от друга, и с этим нужно считаться. А считается — и значит иметь хорошие манеры, удобные для окружающих.

Выражения «простой советский человек» я не люблю. Оно уничижительно. Один «простой советский человек» отличается от другого «простого советского человека»... своей сложностью. Мне кажется, что наступило время, когда к человеку нужно относиться более пристально, внимательно, но вместе с тем и строго. Больше требовать от себя самих и не искать оправданий в том, что мы-де заняты большими делами, а на такие мелочи, как вежливость, воспитанность, не хватает времени.

— Но, Аркадий Исаакович, всегда ли можно с точностью сказать: это хорошо, а это плохо? Послушайте, что пишет матрос Гришин с крейсера «Адмирал Сенявин»:

«Однажды в троллейбусе молодая девушка уступила место мужчине, которому было так примерно лет пятьдесят. А он вдруг смутился, покраснел и, ссылаясь на то, что сейчас его остановка, поспешно вышел. Я долго потом думал над причиной его растерянности и решил: все дело в том, что девушка хотела хорошего, а сделала обидное: напомнила человеку о приближающейся старости».

— Тут, на мой взгляд, два разговора: легкий — про вежливость, которой можно, как арифметику, научить, и второй, трудный, — про внутренний такт. Оба аспекта важны. Я не буду распространяться о первом, ему уже не раз посвящалось много строк и слов, и вопрос здесь довольно ясен: нужно как можно скорее вводить для наших ребят урок, занятие или даже игру в этикет (с детсада начинать!).

Меня больше беспокоит другое — воспитание такта, который нельзя «затвердить», как правила уличного движения. Такт — это всегда движение души. Ведь вот девушка, уступившая место мужчине, хотела, видимо, сделать хорошее, не задумавшись при этом о состоянии другого человека, не смогла встать незаметно, с шуткой, может быть...

Такт, как и этикет, конечно, тоже воспитывается с детства. Но его во взрослом человеке должна закрепить вся атмосфера нашей жизни. А здесь мы как раз очень часто ошибаемся, многое путаем.

Я помню, как однажды в Ялте, раскаленной, изнывающей от жары Ялте, выгнали из автобуса человека только за то, что на нем были шорты. Почему в курортном городе нельзя ходить в шортах, кому это мешает? Никто ответить толком не мог, а ссылались... на постановление. Какая же деликатность может быть в городе, где некультурность узаконена официальным актом горсовета?

Говорить о гонении на прически, танцы уже надоело. Теоретически уже вроде бы обо всем договорились, но опять же... Позвольте — зачем столько пыла и энергии тратить на вещи, которые того не стоят? Вот когда речь действительно идет о влиянии вредной нам идеологии на умы че-

ловеческие, нужно не жалеть ни сил, ни средств.

А если давить прессом на личный вкус, можно добиться как раз противоположного результата. Представим: парень надел модное кепи. Рад. Идет по улице. И вдруг со всех сторон его начинают колоть взглядами. Кто-то проворчал вслепую, кто-то ухмылялся. Наконец он понимает: всему виной — шапка, которая ему кажется красивой. А другие, видимо, эту шапку восприняли как вывеску на его лице — хам и хулиган. Сначала он просто расстроится, а потом, уже из протеста, может сделать что-то непростительное. И только ли он сам будет виноват? А не правильнее ли: мы своей неадекватностью пробудили в нем хама?

В общем, РЕЧЬ О ТАКТЕ ОБЩЕСТВЕННОМ. Без него воспитать личный такт трудно, да и невозможно, пожалуй... Ну скажите, какой отзвук в человеке могут вызвать таблички, которыми пестрят наши парки и дома отдыха: «Цветов не рвать!», «Скамейки не ломать!», «Спиртные напитки на газонах распивать воспрещается!» Простите, зачем так оскорблять нас? Зачем в каждом человеке предполагать хулигана, который немедленно набросится зубами на цветы и скамейки, непременно захочет вскарабкаться на дерево? Мне скажут: но есть же еще и такие... Я отвечу: ну, а для «таких» таблички могут как раз послужить руководством к действию. Помню, однажды на клумбе цветов я прочитал: «Спасибо за то, что вы нас не рвете». То же самое сказано, но по-доброму, с юмором...

— Аркадий Исаакович, а что же все-таки, по вашему, делать с «такими»? Вот что нам пишут:

«...пора, в конце концов понять, что хулиганы и хамы от десятка или даже сотни статей с просьбами и угрозами не станут лучше, потому что они просто их не прочтут. Нужно, чтоб всюду, где хам появится, его встречали активным презрением, чтоб люди не отворачивались, не молчали. В. ТОРОПОВА». (Рязань).

— Однажды я видел по телевидению передачу. Скрытая камера была установлена на центральной улице, в ее объективе — машина и два артиста, изображающие один — пьяного водителя, другой — пьяного пассажира. Оба безуспешно пытаются завести заглохнувший мотор. А мимо идут люди. Никто из них не знает, что это просто инсценировка. Все видят: двое пьяных возятся у машины... И вот показано скрытой камерой, как люди на это реагируют. Одни просто убыстряют шаг, другие покачивают головой, а третьи начинают помогать заводить мотор, хотя пьяный за рулем может натворить много бед...

Вы слышали, наверное: «Да что вы, человек же выпил!» — и это чуть ли не с нежностью. С жалостью. И даже когда этот «человек, который выпил», обидит кого-то, симпатия окружающих не меняется. Ну, а влетает порой как раз обиженному. Его могут обзывать «неженкой и интеллигентом».

По-моему, пора уже перестать ругаться словом «интеллигент»... У некоторых людей, видимо, застыло в сознании понятие старых времен. Интеллигент, которого обидели, воспринимается по нормам прошлых лет как «чуждый элемент», а хам, который обижает, считается чуть ли не представителем народа. Грубая путаница! В слово «интеллигент» уже давно вкладывается понятие психологическое. Борьба за интеллигентность всего нашего общества — задача общенародная. И вот здесь-то как раз нужна самая жгучая непереносимость. Чтобы, как пишет девушка из Рязани, хаму некуда было деться... Вот у нас появился строгий закон о хулиганстве. И уже заметно помог. Наверное, должен быть такой же, пусть неписанный, закон и о хамстве. Допустим, человека ударили кулаком — это уголовно наказуемое преступление. Но ведь кто из нас не знает: еще большее можно ударить словом, грубым поступком. И пусть это слово, поступок даже адресованы не тебе...

Райкин говорит и передостывает письма... Что-то его остановило, он начинает внимательно вчитываться, и сразу усталым становится его лицо.

Вот это письмо:

«Может быть, стоит поговорить о том, каковы объективные причины неуважения друг к другу членов нашего общества? С грубостью нередко сталкиваешься, обращаясь к различным «чиновникам» (слово-то какое и из каких времен, но другого тут не скажешь). В общем, придишь в какую-нибудь контору, канцелярию или даже больницу и почувствуешь полное игнорирование твоей личности «просителя» (слово оттуда же). В. ЖУРАВАЛЕВ». (Кемерово).

— Мы готовим сейчас новый спектакль, и в нем от имени одного из героев мне предстоит говорить как раз об этом: «Почему у нас так много приходится просить?» Предположим, мне нужна машина, чтоб перевезти станок. Я делаю государственное дело, однако я должен просить машину. А тот, от кого это зависит, еще подумает и в лучшем случае скажет: «Он хороший парень, надо дать ему машину». Но почему мне? Я для общего дела прошу. А получается — личное одолжение. Человек механически становится просителем...

Откуда появилось слово: «Извините за беспокойство»? Почему бывает вот так: «Вы мне обещали подписать на заявление, а теперь отказываетесь. Как? Вы же обещали. Ну, ладно, я еще раз вас побеспокою... А может быть, я попрошу лучше других? Может, я более жалкий, глаза у меня очень жалкие, и вы для меня это сделаете — выслушайте меня...».

(Конечно, всю эту сцену Райкин показывает: у него вдруг сгибается спина, начинают дрожать колени, а потом, встряхнув головой, как он это делает обычно после номера, говорит уже своим, на сей раз жестоким голосом):

— Правильно, это допотопный чиновник.

Он испытывает удовольствие от унижения другого. Его психология: когда мне хорошо и другому хорошо — это еще полхорошо, а вот когда мне хорошо, а другому плохо — вот тогда совсем хорошо. Пожалуй, это один из самых омерзительных видов хамства — хамства по отношению к человеку зависимо. И как обидно, что этот вид хамства еще держится у нас, где человек — полноправный хозяин страны, где человек обязан и ему обязаны. Почему держится?

А, видимо, потому, что мы слишком либеральные и добренькие. Ведь вот у нас даже из сферы обслуживания нельзя уволить человека, если он грубиян и хам. Тут и местком, и завком горой встанут... И когда на работу отдела кадров принимаешь фотокарточки, документы, анкеты. А что будущий продавец сам из себя представляет, сможет ли он с людьми работать — не спросят...

Тут Аркадий Исаакович вновь обращается к письмам. К тем, что лежат в самой толстой папке, — письмам об обслуживании. Они и до этого часто мелькали в редакционной почте, а во время дискуссии о культуре поведения (хоть в ней сначала-то и не затрагивалась тема обслуживания) такие письма буквально хлынули потоком.

«Можно ли говорить о хорошем тоне, если в каждом магазине, столовой, автобусе тебя могут не за что обругать, если продавец смотрит на покупателя, как на назойливую муху? Н. ЛЮБОВИЦКАЯ». (Петропавловск).

«Сегодня целый день у меня плохое настроение. У кондуктора не было сдачи, а виноват оказался я. Честное слово, я ничего грубого ей не сказал, но слышали б вы, как она на меня кричала... Л. КЛИМОВ». (Херсон).

— Это так... Ведь вот если утром тебе улыбнется лифтер, кондуктор, если в столовой официант скажет ласковое слово, сразу попадаешь в обстановку доброжелательности, и работать потом легко.

У нас здесь постановка дела такова, что на обслуживание посетителя даже при самом благожелательном отношении к нему уходит масса времени. Во-первых, если официант, обслуживающий ваш стол, занят, то другой, даже свободный, к этому столу уже не подойдет. Потом, наконец-то, когда вы дождались «своего» официанта и сделали заказ, он идет на кухню, предвительно выбавляет чеки в кассе, затем в одном месте берет тарелки, в другом — ножи и вилки, потом идет в буфет, где получает хлеб и минеральные воды. Эта «система» основана на недоверии друг к другу. Люди боятся, что кто-то у кого-то украдет, кто-то кого-то обманет, и так далее. Поэтому-то в магазинах надо обязательно называть номер отдела, даже если вы покупаете книжку. Я, покупатель, обязан знать, что Чеков — это первый отдел, а Хемингуэй — четвертый... Это нервнует людей.

Короче, если мы хотим видеть всех тактичными и культурными, нужно прежде всего создать обстановку, которая призвала бы к вежливости, а не к хамству.

— Простите, Аркадий Исаакович, можно один вопрос, которого нет в письмах, но который, конечно, интересует читателей? Приходится ли вам лично испытывать на себе хамство?

Райкин смеется:

— Моя персона не имеет здесь ровно никакого значения...

Так он больше ничего и не ответил, потому что нужно было спешить на концерт... Но когда отгремели аплодисменты и Аркадий Исаакович возвратился в свою гримерную, я неожиданно получила ответ на свой вопрос. Солнчного вида мужчина с женой пришли поблагодарить артиста. Они принесли цветы. Мужчина говорил добрые слова, говорил, говорил... Но вот захотела что-то сказать его супруга, и вдруг — резкий поворот в ее сторону, и муж сказал:

— А ты не лезь. Видишь, человек устал.

Райкин посмотрел на посетителя с тихим недоумением.

И ничего не сказал.

Потом мы ехали по ночному Ленинграду в маленьком автобусе. Все артисты театра, и где-то в углу сидел Райкин. Как обычно. Когда дорога подошла к концу, Аркадий Исаакович спохватился:

— Может быть, вспомнить напоследок одну нашу старую интермедию? Она называлась «Вежливин». Я играл лектора, который объясняет, что, когдаходишь в дом, нужно говорить: «Здравствуйте», когдаходишь, нужно сказать: «До свидания!» И сидели «ученики»-актеры, которые внимательно записывали все эти слова в тетрадки, восхитались ими, как открытием, и даже переспрашивали, как пишется «извините».

Так вот сегодня (Райкин смеется) я порой вновь чувствовал себя в роли того лектора... Конечно, все, что можно сказать по поводу вашей дискуссии, — прописные истины. Но я совершенно серьезно уверен, что чем чаще их повторять, тем больше пользы будет...

И вновь улыбнувшись, Райкин продолжает:

— Правда, та наша интермедия кончалась печально. Мужчины с возгласами: «Да, да, как все это верно, актуально, полезно!» — уходят. А женщина, единственная в их группе, берет стулья, на которых сидели мужчины, и уносит их со сцены... Но будем надеяться, что в жизни случится по-другому, да?

Итак, наш разговор о культуре поведения не заканчивается... Письма, которые пришли в редакцию, подтверждают: эта тема важна и актуальна. Мы благодарим всех читателей, написавших нам. Газета еще не раз возвратится к вопросам, поднятым в дискуссии.